

А. Б. Паткуль

Актуальна ли феноменологическая программа региональных онтологий сегодня?

Хотя математик на свой лад и пользуется общими положениями, но начала математики должна исследовать первая философия.

Аристотель. Мет. XI, 4 1061 b, 17–19

В данном исследовании ставится вопрос об актуальности идеи региональных онтологий для современной философии науки. С целью ответить на него предпринимается реконструкция понятий региона и региональной онтологии на материале трудов Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Первый разделяет формальную и материальные онтологии. Последние и являются онтологиями предметных регионов. Регион же, согласно Гуссерлю, это высший род, включающий в себя как эйдетический, так и идеально-индивидуальный объемы. Хайдеггер разрабатывает указанную проблематику в контексте его тезиса онтологической дифференции, то есть различия бытия и сущего. Соответственно, регион трактуется им как регион сущего, выделяемый на основании обладания им особым способом бытия. Задача региональной онтологии у Хайдеггера — это приведение понимания этого способа к артикулированному понятию. В итоге делается вывод об относительной релевантности этих идей для современной философии науки.

Ключевые слова: предмет вообще, регион, формальная онтология, материальная онтология, региональная онтология, фундаментальная онтология, Гуссерль, Хайдеггер.

Andrei B. Patkul

IS THE PHENOMENOLOGICAL IDEA OF REGIONAL ONTOLOGIES STILL OF RELEVANCE?

In my paper, I raise the question of the relevance of the idea of regional ontologies for today's philosophy of science. In order to answer it, I reconstruct the concepts of region and regional ontology basing on the works of E. Husserl and M. Heidegger. The first of them separates formal and material ontologies. The latter are ontologies of subject regions. Region, according to Husserl, is the highest genus, which includes both eidetic and ideal-individual volumes. Heidegger develops this problematic in the context of his thesis of ontological difference, i. e. differentiation between being and that-which-is. Accordingly, he understands a region as region of that-which-is, distinguished on the basis of its special way of being. The task of regional ontology for Heidegger is to bring the understanding of this way of being to an articulated concept. As a result, I conclude that three is the relative relevance of these ideas for today's philosophy of science.

Key words: subject in general, region, formal ontology, material ontology, regional ontology, fundamental ontology, Husserl, Heidegger.

В своем проекте трансцендентальной феноменологической философии, Эдмунд Гуссерль сформулировал вполне определенное понимание отношения философии и наук. В значительной степени оно концентрируется вокруг понятия *региональных онтологий*, которое наиболее активно разрабатывалось им в период создания его «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Впрочем, его экспликация все же не является главной и исключительной задачей трансцендентальной феноменологии.

И все же есть несколько моментов, побуждающих вновь обратиться к феноменологической программе региональных онтологий сегодня.

Во-первых, не составляет труда заметить, что при всем своем новаторстве феноменологическая программа региональных онтологий наследует идущей от Платона и Аристотеля¹, возобновляющейся на новый лад у Р. Декарта и значительно трансформирующейся у И. Канта, а затем еще и в классическом послекантовском идеализме традиции. Разумеется, сама по себе овеянность традицией не может служить аргументом в пользу данной программы, по крайней мере, для современной философии науки, скорее, наоборот. И все же сам факт, что основные инварианты этой традиции, намеренно или нет, были воспроизведены в феноменологии, заставляет задуматься о причинах такой их жизненности.

Во-вторых, как и в предшествующих образцах указанной исторической линии, в феноменологическом понимании соотношения философии и позитивных наук отчеканено вполне определенное понимание, с одной стороны, различия характера *научно-философских* исследований и исследований позитивно-научных, а с другой — конкретного характера той роли, которую играет философия по отношению к позитивной науке. Возможно, это как раз и помогло бы сохранить (или восстановить) паритет между философией и наукой, благодаря которому каждая из них сохранит свою самобытность, а понятие философии науки как дисциплины обретет достаточную отчетливость.

Именно этим мотивирована и основная *цель* настоящего размышления: *реконструировать пока что в самых общих чертах идею региональной онтологии и ее значение для понимания соотношения философии и науки в феноменологии*, а также *более подробно экспонировать вопрос об актуальности этой идеи для современной философии науки*.

¹ Ср. вынесенное в качестве эпиграфа к данному тексту изречение Стагирита.

Реконструкцию понятия региональной онтологии уместно начать с разъяснения понятия региона. Надо сказать, что в употреблении данного термина феноменологи также не являются пионерами. По свидетельству Ж.-Ф. Брауэнштейна, понятие региона было введено в эпистемологию еще Ф. Бэконом, который впервые сравнил знание с картой, а на более фундаментальном уровне — вообще допустил возможность репрезентации знания и его структур посредством пространственных аналогий².

Стоит отметить, что в трудах самого Гуссерля — во всяком случае в специфическом значении — понятие «регион» появляется не сразу. К.-Х. Лембек датирует это появление зимним семестром 1906/07 годов, когда Гуссерль читал курс «Введение в логику и теорию познания»³. Именно тогда он начинает использовать термин «предметный регион».

Позднее он определяет данное понятие следующим образом: «Регион есть не что иное, как *совокупное, принадлежащее к одному конкрету, наивысшее родовое единство*, следовательно сущностно единое сочетание наивысших родов, принадлежащих низшим дифференциям внутри конкрета»⁴. Гуссерль также характеризует его в качестве наивысшего материального рода эмпирических предметов⁵.

Итак, регион — это в первую очередь род, *γένος*. Конституция региона и характер единства его как рода не являются простыми. Из слов Гуссерля видно, что речь идет не просто о каком-то индифферентном *γένος*, но об определенной координации для данного региона «наивысших родов», а также их сочетаний с «низшими дифференциями внутри конкрета», которые только и вносят в эти «наивысшие роды» определенность. При этом в качестве эйдоса регион подчиняет себе также и все индивиды, все эмпирические

² См. *Braunstein J.-F.* Die Geschichte des Regionsbegriffs in der Epistemologie // *Situieretes Wissen und regionale Epistemologie: Zur Aktualität Georges Canguilhem und Donna J Haraways, Cultural Inquiry*, 7 / hg. v. Astrid Deuber-Mankowsky und Christoph F. E. Holzhey, Wien: Turia + Kant, 2013. S. 36.

³ См. *Lembeck K.-H.* Einleitung: Husserl Wissenschaftstheoretisches Programm. Text nach *Husserliana*, Band V // *Husserl E.* Die Phaenomenologie und die Fundamente der Wissenschaften / Hrsg. K.-H. Lembeck. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1986. S. XIII. В прим. 6 на этой же странице даются указания на соответствующие места в XXIV томе «Гуссерлианы».

⁴ *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Введение в чистую феноменологию / Пер. А. В. Михайлова. М. Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 48.

⁵ Там же. С. 37.

предметы, которые под него подпадают. Таким образом, регион имеет два «объема». *Во-первых*, у него имеется так называемый *эйдетический объем*, то есть идеальная совокупность конкретных единств дифференциаций внутри наивысшего рода. *Во-вторых*, регион включает в себя также и *индивидуальный объем*. Причем Гуссерль уточняет, речь идет здесь не только об актуальной совокупности всех реальных индивидов, но об *идеальной* совокупности возможных индивидов, относящихся к данной родовой сущности. В любом случае в рамках одного региона его *индивидуальный объем оказывается всегда подчинен его эйдетическому объему*.

В собственном смысле предметные регионы у Гуссерля всегда *«материальны»*. Под материальностью здесь понимается, впрочем, не вещество как ξ ω каждого подчиненного эйдосу региона индивида, а как набор существенных признаков, составляющих содержание эйдоса региона и позволяющих отличать индивидуальные сущности, подчиненные данному региону от индивидов другого региона. Поэтому предметные регионы всегда отличны друг от друга по содержанию, а потому всегда даны во множественном числе. *Нет и не может быть никакого единого региона всех материальных регионов*.

При этом регионы могут находиться в отношении фундирования, соответственно, фундированности, могут настраиваться друг над другом — так, что фундированные регионы не смогут существовать без тех, которые лежат в их основании. Напротив, более фундаментальные регионы не будут нуждаться в регионах фундированных для своего существования.

Ближайший пример тому: онтологическое отношение неживой и живой природы. Последняя не могла бы существовать, если бы не существовала первая, но не наоборот.

Вместе с тем, по мысли Гуссерля, имеет место *универсальная* для любых предметов и всех регионов *форма региона* вообще. Такую форму он характеризует в качестве «квазирегиона»⁶. Подобный «квазирегион» — это «...простая сущностная форма — хоть и сущность, но совершенно “пустая” сущность, которая, как форма пустая, подходит ко всем возможным сущностям...»⁷. Она является тем, что вообще может быть характерно для любого нечего, независимо от того, какому материальному региону это нечего подчинено, а стало быть, то, что вообще может быть высказано о нем. Эта форма есть чистая форма предмета вообще.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ Там же. С. 39.

Согласно Гуссерлю, и регионы в материально-содержательном смысле, и «квазирегион» как «пустая форма предметности вообще»⁸ суть *эйдетическая предметность*, которая в каждом случае конституируется категориями разного типа. Так, форма предметности вообще конституируется категориями, которые совпадают с логическими категориями. Они являются «логически основополагающими понятиями», которыми «в совокупной системе аксиом определяется логическая сущность предмета-вообще, или же те, какие выражают безусловно необходимые и конститутивные определения предмета как такового, некоего нечто...»⁹. Эти категории именуются Гуссерлем *аналитическими*. К ним относятся такие понятия, как «свойство», «качество», «множество», «целое» и «часть», «тождество», «равенство», «род» и «вид» (в последнем случае — в их формальной корреляции в отвлечении от возможного содержания), а кроме того, так называемые *категории значения* — понятия основных видов предложения, их членов и их форм etc.¹⁰

От таких формально-аналитических категорий следует отличать содержательные, или материальные категории, которые имеют — в противоположность аналитическим — *синтетический* характер. Ими конституируется содержательное разнообразие каждого отдельного предметного региона в узком смысле слова. В Идеях I сказано: «Всякая региональная сущность определяет “синтетические” сущностные истины, т. е. такие, какие основываются в ней как таковой-то родовой сущности, не будучи при этом простыми обособлениями формально-онтологических истин»¹¹. При этом они «выражают специфически принадлежащее региональной сущности либо же выражают с эйдетической всеобщностью то, что непременно подобает индивидуальному предмету данного региона “априорно” и “синтетически”»¹².

Из этих утверждений вытекает, во-первых, то, что синтетические категории, конституирующие отдельные регионы, невозможно вывести в их специфической содержательности из аналитических категорий «предмета вообще», хотя последние и являются *formaliter* подчинены первым, поскольку «все регионы со всеми их содержательно-сущностными обособлениями стоят» не в одном

⁸ Там же. С. 46.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Гуссерль, впрочем, настаивает на том, что их нужно отличать от формально-предметных категорий в чероки смысле. См. там же. С. 40-41.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Там же. С. 49.

ряду с квазирегионом чистой формы предметности, «а скорее (хотя и только *formaliter*), под ним»¹³. А во-вторых, что объективная значимость синтетических категорий, несмотря на их неаналитический характер, столь же несомненна, что и значимость категорий формально-аналитических, и она не может быть оспорена указанием на частный и ограниченный характер опыта, а именно в силу априорности этих категорий. С точки зрения Гуссерля, применение таких категорий является *аподиктическим* и *безусловным*, а стало быть, необходимым. Он считает, что категории, поскольку регионы всегда имеют место во множественном числе, должны, скорее, образовывать определенные *группы*, каждая из которых конституировала бы соответствующий предметный регион, так, что «у нас было бы столько же *различных групп категорий, сколько регионов мы различали бы*»¹⁴.

Значимую модификацию гуссерлевская идея региона обретает в онтологии М. Хайдеггера. Он помещает экспозицию проблемы региона в общую связь с той проблемой, которая трактуется им как самая фундаментальная проблема всей философии — проблема бытия и его смысла. Очерчивая ее, Хайдеггер исходит из тезиса так называемой *онтологической дифференции*, то есть радикального разведения *сущего*, того, что так или иначе *есть*, и *бытия*, то есть того, «что определяет сущее как сущее»¹⁵. Бытие, согласно Хайдеггеру, не есть, но лишь *дано* (*es gibt*) в понимании бытия, исполняемым исключительным сущим — *Dasein*. И только его упреждающее (априорное) понимание выступает условием возможности (позволения) того, чтобы сущее явилось (на языке Хайдеггера — встретилось) *Dasein* в том, что и как оно есть.

Хайдеггеровская логика в этом контексте может быть реконструирована следующим образом. Вводя идею предметных регионов, Гуссерль, упустивший, как и вся предшествующая метафизическая традиция, вопрос о бытии и его смысле, не проблематизирует конкретные способы бытия этих регионов. Хотя он и говорит об онтологиях этих регионов, на деле их онтологический статус у него остается индифферентным. Его интересует исключительно эйдетическая конституция их, а не то, каким именно способом они есть. Поэтому основатель современной феноменологии видит в них на деле онтологически нейтральные предметные области, которые, конечно, дифференцируются, причем существенно, по своему

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 49.

¹⁵ *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 6.

априорно-синтетическому сущностному составу, но относительно которых остается совершенно незначимым, «существуют ли они или не существуют, и если существуют, то как именно»¹⁶ (Met. XIII I [1076a] 25–26). Для Хайдеггера же регионы — это не онтологически нейтральные сферы предметностей, но *регионы сущего*. Для него принципиальным является то, что *дифференциации здесь подлежат то, что именно есть*, и есть определенным образом.

Сущее же как сущее определяется его бытием. Это ставит проблематику различия регионов сущего у Хайдеггера в связь с другим важным тезисом его онтологии: тезисом *различия способов бытия*. Согласно этому мыслителю, вся предшествующая метафизическая традиция дифференцировала сущее только на основании различий сущности, того, *что* некое сущее есть. Способ бытия при этом для любого сущего мыслился одинаково — как *existentia* в традиционном смысле этого слова, то есть как бытие в действительности, наличие. В «Основных проблемах феноменологии» (1927) говорится, что «способ быть в каждом сущем один и тот же характер — как это полагала античная онтология и, в сущности, вынуждена утверждать и последующая философия вплоть до сего дня»¹⁷. Хайдеггер фактически приписывает себе заслугу открытия на этом фоне дифференциации способов бытия сущего. Следующим шагом будет предположить, что для него само сущее дифференцируется по регионам на основании дифференциации способов его бытия, того, что его как сущее определяет, то есть не только (и не столько) эйдетически, как у Гуссерля.

* * *

Теперь можно утверждать, что региональная онтология — это онтология региона, предметного — в случае Гуссерля и региона сущего — в случае Хайдеггера. Это исходное различие в понимании природы региональности предопределяет и расхождение в трактовке существа, целей и конкретного устройства региональных онтологий у этих мыслителей.

Понять специфику региональных онтологий у Гуссерля лучше всего можно, отталкиваясь от его принципиального разведения двух типов онтологий, соответствующего различению формально-аналитического и материально-синтетического априори, соот-

¹⁶ Аристотель. Указ. соч. С. 320.

¹⁷ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А. Г. Чернякова. СПб: Издательство ВРФШ, 2001. С. 22.

ответственно, категорий. Он различает, соответственно, (1) формальную онтологию и (2) материальные онтологии.

Формальная онтология — это «эйдетическая наука о предмете вообще»¹⁸. Предмет же вообще Гуссерль определяет следующим образом: «...это все и каждое, и для всего этого могут быть установлены бесконечно разнообразные истины, распределяющиеся по всему многообразию дисциплин матесиса»¹⁹. Философ отмечает, что в своей совокупности такие истины могут быть возведены к небольшому числу непосредственных истин, которые могут считаться основополагающими для предмета вообще. Они могут быть названы *аксиомами*. Входящие в эти аксиомы понятия и являются теми чисто логическими категориями, которые, будучи рассмотрены в онтологическом ключе, могут быть поняты как «*категории логического региона “предмет-вообще”*», или «*чисто логические основополагающие понятия*»²⁰. Ими «в совокупной системе аксиом определяется логическая сущность предмета-вообще»²¹; они «выражают безусловно необходимые и конститутивные определения предмета как такового, некоего нечто — постольку, поскольку вообще должно быть так, чтобы было некое нечто»²².

Нетрудно увидеть в этих «логических основополагающих понятиях» те априорные формально-аналитические категории, о которых шла речь выше. По сути, задача формальной онтологии и состоит в анализе этих категорий и их логических взаимосвязей. Поэтому данная онтология для Гуссерля и совпадает с чистой логикой «в ее полном протяжении вплоть до *mathesis universalis*»²³. В известном смысле в гуссерлевской феноменологии речь идет не о просто о некоей монолитной формальной онтологии, а о комплексе формально-онтологических дисциплин²⁴, который охватывает не только формальную логику в узком смысле слова, но и все дисциплины формальной *mathesis universalis* — арифметику, чистый анализ, учение о множествах etc.

Впрочем, хотя формальная онтология и совпадает с чистой логикой, соответственно, с *mathesis universalis*, имеет место один важный нюанс: путем переключения установки сознания в пола-

¹⁸ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 40.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 36.

гающую чисто логические понятия и положения можно перевести в формально-онтологические характеристики предмета. Гуссерль иллюстрирует это так: «Любой формально-логический закон можно обратить, путем поворота, в закон формально онтологический. Тогда мы судим: вместо суждений — о положениях дел, вместо членов суждения (например, именных значений) — о предметах, вместо значений предиката — о признаках и т. д. И речь уже не идет об истине, о значимости предложений суждения, но о составе положений дел, о бытии предметов и т. д.»²⁵. При этом «формальная онтология выходит далеко за пределы сферы таких простых обращений формальных апофантических истин...»²⁶.

В противоположность формальной онтологии материальные онтологии имеют дело с синтетически-материальным априори отдельных предметных областей. Но такие области — это и есть регионы в феноменологическом смысле. Соответственно, «чистой сущности региона соответствует *эйдетическая наука региона*, или же — так тоже можно сказать — *онтология региона*»²⁷. Она занимается «региональной эйдетикой».

Таким образом, *материальные онтологии, или онтологии, исследующие материально-синтетическое априори той или предметной области, и оказываются региональными онтологиями*. При этом надо иметь в виду, что материальные дисциплины в гуссерлевском смысле вообще могут не исчерпываться региональными онтологиями²⁸.

Понятие региональной онтологии можно встретить также и в трудах Хайдеггер. И в его трактовке Хайдеггер исходит из понимания онтологии как учения о смысле бытия, опираясь на свой тезис онтологической дифференции. В соответствии с ним он различает онтические исследования, предметом которых выступает то или иное сущее, и онтологические исследования, предметом которых выступает бытие. В первом случае речь идет о позитивных науках, во втором — о философии. Соответственно, региональные онтологии должны быть исследованиями, направленными на бытие, но не бытие вообще, которое выступает предметом фундаментальной онтологии, а *бытие того или иного региона сущего*. Каждый такой регион обладает сообразно способу своего бытия определенной региональной бытийной конституцией (*regionale Seinsverfassung*). Региональная онтология мыслится в этой связи как исследование

²⁵ Там же. С. 317.

²⁶ Там же. С. 318.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Там же. С. 319.

такой конституции. Она есть такое познание, которое «упреждающе (im Vorhinein) делает сущностные (sachhaltige) и необходимые высказывания о регионе, не являясь опытным познанием»²⁹.

Дело в том, что, по мысли Хайдеггера, любой регион сущего оказывается доступным для Dasein в том, что и как он есть, только благодаря *упреждающему* пониманию Dasein особенности бытия этого региона. Он пишет: «Мы должны понимать действительность, реальность, жизненность, экзистенциальность, постоянство, чтобы позитивно соотноситься с определенным действительным, реальным, живым, экзистирующим, постоянным [сущим]»³⁰. Соответственно, в задачи регионально-онтологического исследования входит интерпретативная *артикуляция* такого упреждающего понимания бытия и приведение его к конкретному *понятию*. Она вместе с ним проясняет насколько «грубое» и «непонятное» понимание бытия того или иного региона сущего может быть возведено к смысловому первоисточнику, то есть в случае Хайдеггера — экзистенциально-горизонтной темпоральности. Тем самым выясняется, в какой мере такое понимание является сообразным бытию этого региона и его онтическому составу, а в какой затемняет и искажает их.

Сказанное уже отчасти проливает свет на то, как может мыслиться у Гуссерля и Хайдеггера отношение между региональными онтологиями и науками в позитивном смысле, а также на возможную значимость идеи региональных онтологий для философии науки. Говоря коротко, для обоих мыслителей это отношение есть отношение *обоснования*, а именно *обоснования позитивных наук в региональных онтологиях*. Конкретный же смысл такого обоснования у каждого из них разнится.

С точки зрения Гуссерля, любая эмпирическая наука неизбежно укоренена в соответствующих эйдетических науках — как формальных, так и материальных — и подчинена им. В первом случае — поскольку никакой эмпирический предмет не может не быть сообразным конституции предметности как таковой, а во втором — поскольку он не может не быть сообразным своему региональному эйдосу. Всякая эмпирическая наука, считает основатель современной феноменологии, «*обладает существенными теорети-*

²⁹ Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Bd. 25: Phänomenologische Interpretation von Kants "Kritik der reinen Vernunft. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1995. S. 52.

³⁰ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С. 12–13.

ческими фундаментами в эйдетике соответствующих онтологий»³¹. Тем самым любая эмпирическая наука должна основываться как в формальной онтологии вообще, так и в онтологии соответствующего региона. В последнем случае это обусловлено тем, что региональный эйдос «как бы репрезентирует *необходимую материальную форму* всех предметов региона»³². Региональная онтология только проясняет, что именно на деле принадлежит этому эйдосу. Совершая это, она *предоставляет основание соответствующей науке*, поскольку фактическое подчинено эйдетическому, но последнее не зависит от первого. В качестве примера такого обоснования Гуссерль приводит эйдетическую науку о физической природе вообще, которая и является региональной онтологией природы как предмета естествознания. Онтология природы «раскладывает» «рационально чисто» эйдос, сущность природы вообще, выявляя в них бесконечной многообразные сущностного положения дел. Так или иначе, этот мыслитель делает следующий вывод: «...*все эмпирические науки должны основываться на принадлежащих им региональных онтологиях*, а не просто в общей для всех наук чистой логике»³³.

Вместе с тем, по мысли Гуссерля, ни формальная, ни материальные онтологии сами не являются предельным основанием самих себя и эмпирических наук — они сами должны быть *обоснованы в трансцендентальной феноменологии*. В финале третьей книге «Идей» Гуссерль пишет: «Только феноменология способна осуществить глубочайшие разъяснения относительно надстраивающихся в систематических конститутивных слоях сущностей (Wesenheiten) и тем самым подготовить обоснование онтологий, которого нам так не хватает»³⁴.

Судя по всему, регионально-онтологическая работа в ее гуссерлевском варианте должна была разворачиваться как *феноменологическая теория конституирования смысла* тех или иных предметных регионов соответствующими им «апперцепциями», которые имеют в своих предметах «сущностные корреляты». Такая теория призвана показать, какие именно исполнения конституирующего своей предмет сознания позволяют идентифицировать его как то-то и то-то, такой-то и такой-то, например, установив, какие предикаты могут

³¹ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 37.

³² Там же.

³³ Там же. С. 51.

³⁴ Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. V. Ideen zu einer Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Drittes Buch: Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952. S. 105.

быть приписаны предметам данного региона, а какие — нет. Так, если говорить о региональной онтологии природы как предмета естествознания, то дело тут состоит в том, чтобы установить, как работает сознание естествоиспытателя, который — пусть и неявно — «заранее *определяет*, что является естественнонаучным объектом, а что нет, а стало быть, что есть природа в естественнонаучном смысле, а что нет»³⁵. Например, «нужно выяснить, почему *все те предикаты*, которые мы приписываем вещам под именами удобства, красоты, полезности, практической уместности, остаются [при этом] совершенно вне рассмотрения»³⁶. И так относительно каждого предметного региона, коих, если судить по Идеям II, Гуссерль выделял три: (1) материальная природа, (2) живая (*animalische*) природа и (3) духовный мир. Считается, что это гуссерлевское учение развил позднее Н. Гартман в своей доктрине слоев (*Schichten*) реального мира, поместив между живой природой и духовным миром еще и сферу психического. Хайдеггеровская трактовка обоснования позитивных наук, с одной стороны, следует установкам Гуссерля, но, с другой стороны, модифицирует их. По сути, он тоже развивает своеобразную теорию конституирования в этой связи, но иначе, чем его предшественник.

Он считает, что любая предметная сфера позитивной науки *формируется* учеными в тематизирующем (модифицирующем сущее как оно есть, в определенный предмет, доступный для объективного познания) *наброске*, связанном с «грубым» и «непонятным», доонтологическим пониманием бытия этой области. Исполнение наброска воплощается и фиксируется в наборе базовых понятий, в которых представитель соответствующей позитивной науки *заведомо* характеризует область своего научного интереса. Собственно, Хайдеггер считает, что позитивные науки независимо от философских исследований в *известных пределах* уже осуществляют то, что он именует их *самообоснованием* (*Selbstberündung*). Оно и состоит в формировании таких первичных понятий.

Однако самообоснование позитивных наук не является, как считает философ, предельным и достаточным их обоснованием. В нефилософских науках базовые понятия вводятся «вчерне и некритически»³⁷, и при этом способ формирования этих понятий все еще остается во многом зависимым от донаучного опыта, что также

³⁵ Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. IV. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952. S. 2.

³⁶ Ibid.

³⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 9.

не осознается представителями этих наук. Поэтому самообоснование науки из нее самой наталкивается не своего рода границу. Дело в том, что даже в случае такого самообоснования из самой науки невозможно узнать, каков его источник и чем именно оно оказывается ведомым. Хайдеггер считает, что «отграничение основных понятий наук идет лишь настолько далеко, насколько оно затребовано специфическими задачами наук...»³⁸. Так, например, занимающийся своей наукой на фундаментальном ее уровне физик вводит и определяет такие базовые понятия, как движение, пространство, время и пр., осуществляя тем самым ее первичное самообоснование. Но он при этом не выясняет, насколько они на самом деле сообразны тому, как есть то сущее, которое выступает в качестве предмета его научного интереса. На самом деле, прояснить их сущность невозможно в рамках физики как позитивной науки. Более того, чтобы состояться в качестве таковой, она должна отказаться от специального прояснения содержания и адекватности своих базовых понятий. А прояснить их сообразность бытию сущего можно только при помощи выходящего за пределы позитивного исследования философского рассмотрения специфики бытия этого сущего. Такое рассмотрение и выполняют региональные онтологии, задача которых «состоит в преобразовании доонтологического понятия бытия в выраженное онтологическое»³⁹. Это действие Хайдеггер называет *обоснованием самообоснования* (*Begründung der Selbstbegründung*) позитивных наук в соответствующих им региональных онтологиях. Только оно, а не изолированное самообоснование науки, может служить подлинным *закладыванием ее основ* (*Grundlegung*). «*Основание самообоснования наук о сущем осуществляется в региональных онтологиях. Только онтология, таким образом, осуществляет закладывание основ некоторой онтической науки. Закладывание основ некоторой науки о сущем означает: обоснование и формирование лежащей в ее основе онтологии*»⁴⁰. При этом все региональные онтологии сами должны быть обоснованы в отвечающей на вопрос о смысле бытия вообще *фундаментальной онтологии*, которая и составляет *центр философии*. Таким образом, у Хайдеггера в отличие от Гуссерля весь корпус дисциплин обосновывается в онтологии, а не отдельно взятой трансцендентальной феноменологии.

Так понятые региональные онтологии могут выполнять функцию того, что сам Хайдеггер именует *продуктивной логикой*, а имен-

³⁸ Heidegger M. Gesamtausgabe. II. S. 33.

³⁹ Ibid. S. 36.

⁴⁰ Ibid. S. 39.

но логикой некоторой позитивной науки. Эту логику он определяет как «предварительное размыкание и понятийную проработку возможных предметных областей наук», которая «не следует, подобно традиционной теории науки, за определенным фактом какой-либо случайной, исторически предданной науки, чтобы исследовать ее структуру, но первой входит в возможное предметное поле возможной науки и, размыкая бытийную конституцию этого поля, тем самым впервые предоставляет науке базовую структуру ее возможного предмета»⁴¹. Этот философ отмечает, что продуктивная логика позитивных наука не исследует (1) ни сами такие науки, например, на предмет их устройства, закономерностей их существования или исторических причин их возникновения, (2) ни их предметы, поскольку они уже опредмечены для познания в соответствующей позитивной науке. Ее тема — это бытие того сущего, которое является открытым еще до опредмечивания его в предмет соответствующей позитивной науки. Для того чтобы проводить такое исследование, ей приходится в известном смысле «перескакивать» через уже состоявшиеся науки к тому опыту, в котором были впервые дано ставшее предметом этих наук сущее, и условиям, сделавшим возможным его опредмечивание в них.

* * *

Теперь после осуществления предварительной экспозиции понятий региона и региональной онтологии и идентификации отношения философских региональных онтологий к позитивным наукам как отношения обоснования стоит вернуться к вопросу о том, могут ли эти идеи иметь какую-либо релевантность для современной философии науки. Очевидно, что историческое развитие позитивных наук и их самопонимания, а также современного мейнстрима философии науки едва ли будут сейчас принимать подобные проекты всерьез. С одной стороны, науки исторически уже настолько эмансипировались от философии, что из их перспективы допущение какого-то внешнего, а значит, заведомо некомпетентного их обоснования выглядит абсурдным. С другой стороны, то, что сегодня нередко называется философией науки скорее едва поспевает «за определенным фактом какой-либо случайной, исторически предданной науки, чтобы исследовать ее структуру» или, скажем, фактически-исторические (культурные, экономические, политические) обстоятельства

⁴¹ *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени / Пер. Е. В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. С. 8.

или общие закономерности ее становления и функционирования. И обращение к богатому фактическому материалу позволят верифицировать и эффектно иллюстрировать результаты такой деятельности. Но при этом теряется главное — философский характер таких исследований, направленность взгляда на начала, из которых научность науки вообще и соответствующих наук (групп наук) только и может быть ясно и последовательно осмыслена.

В этом плане феноменологическая программа регионально-онтологического обоснования позитивных наук является едва ли не единственным проектом, сохраняющим философический характер осуществления исследований в области философии науки. Как раз приведенные в преамбуле к настоящему фрагменту моменты и способствуют такому сохранению. Но что касается первого из них — продолжения идущей от Платона и Аристотеля традиции — теперь можно сказать конкретнее, что дело вовсе не в том, что традиция, а значит, нечто уже ставшее прошлым и недействительным, не способна служить авторитетом и аргументом в сегодняшних исследованиях по философии науки, а в том, что и традиция, и феноменологический проект регионально-онтологического обоснования наук обращены к одному и тому же положению дел — тому, что наука познает не ничто, ведь тогда она была бы не более чем софистикой, а то, что *есть*, и оно всякий раз есть что-то и каким-то образом. И эти «что» и «каким образом», будучи принятыми сразу и без дальнейшего прояснения, впредь оказываются направляющими для всякого исследования в данной позитивно-научной области — до тех пор пока эти исследования не достигнут критического состояния и сами не потребуют пересмотра своего «самообоснования». Это подводит к раскрытию конкретного смысла второго из выделенных моментов — строго разграничения сферы и метода работы философов и позитивных-ученых. Философия в перспективе регионально-онтологических исследований, которые, кстати говоря, имеют самостоятельную значимость и не обязательно должны обосновывать нефилософские дисциплины, предстает не еще одной позитивной или, точнее, квази-позитивной наукой, например, исторической, а исследовательской деятельностью, у которой есть свой предмет и своя методика, несводимые к позитивно-научным. Они независимы от последних, поскольку направлены на их априорные условия, а не на апостериорные результаты. Суждения регионально-онтологических исследований, хотя они логически и имеют ту же форму, что и суждения соответствующих позитивных наук, но они имеют *трансцендентально иной статус*.

Поэтому в задачи региональных онтологий вовсе не входит решение за науку ее наделенных «глубиной» и «тонкостью» проблем — ненаучными средствами. Именно в этом смысле идея регионально-онтологического обоснования наук способна позволить философам не «мельтешить» «на окраинах науки, то и дело порываясь сообщить... что-то»⁴² настоящим ученым. Региональные онтологии и позитивные науки, конечно, направлены на один и тот же объект (сущее — в терминологии Хайдеггера), но у них радикально разные предметы, предметные перспективы. Пример Хайдеггера может быть как раз наиболее иллюстративным: если позитивные науки заняты сущим и его позитивными характеристиками (свойствами, отношениями, законами), то региональные онтологии — сущностью и бытийной конституцией этого сущего.

Конечно, для позитивной науки сама мысль об обосновании ее в философии теперь может быть возмутительной — тем более что то, как это обоснование мыслилось в феноменологии предполагает наличие научно, с точки зрения позитивизма, необоснованных допущений. В первую очередь это — допущение *материально-синтетического априори*, лежащего в основе идеи региональных, то есть всякий раз материальных онтологий⁴³. Но такие моменты требуют возобновления их конкретного рассмотрения и обсуждения. Важнее все же, пожалуй, другое — сам смысл обоснования, который можно было бы извлечь из феноменологической идеи региональных онтологий. Здесь философия не предписывает наукам, что им изучать, а что игнорировать, какие результаты получать, а какие нет, каким методами пользоваться, а какие отбросить, как это нередко бывало ранее в истории философии, например, в эпоху классического немецкого идеализма. Собственно, в хайдеггеровском варианте феноменология даже не претендовала на построение завершенной и неизменной системы регионов, подлежащих изучению позитивными, набросок которой можно еще встретить у Гуссерля и Н. Гартмана. Хайдеггер понимал, что «подлинное расчленение областей осуществляться исторически, а не по предварительному плану какой-то системы наук в меру соответствующей основополагающей постановки вопроса в позитивных науках»⁴⁴: философия может только показать, что то, что позитивные науки

⁴² Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т. 2: Пространство. Время. Движение. М.: Мир, 1965. С. 24.

⁴³ Ср. Шлик М. Существует ли материальное априори? / Пер. В. А. Куренного // Логос. Литературно-философский журнал, 2010, 6(79). С. 109–118.

⁴⁴ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С. 16.

de facto различают в качестве своих предметных регионов, действительно различимо из смыслового истока.

В региональных онтологиях философия словно бы подходит к позитивной науке с сократовским вопросом: а скажи-ка, любезнейшая, есть ли вообще то, что ты изучаешь, как и то, что ты знаешь об изучаемом? Или это ничто, не-сущее? А если все же есть, то что оно есть такое? И каким образом оно есть? Можно ли на самом деле научно познать его таким, каким оно есть?

И это уже не обращенный к позитивной науке императив философии, а приглашение к диалогу, которое эта наука, разумеется, вольна отвергнуть...

Литература

Аристотель. Метафизика / Пер. А. В. Кубицкого // *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Введение в чистую феноменологию / Пер. А. В. Михайлова. М. Дом интеллектуальной книги, 1999.

Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т. 2: Пространство. Время. Движение. М.: Мир, 1965.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А. Г. Чернякова. СПб: Издательство ВРФШ, 2001.

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Пер. Е. В. Борисова. Томск: Водолей, 1998.

Шлик М. Существует ли материальное априори? / Пер. В. А. Куренного // Логос. Литературно-философский журнал, 2010. 6 (79). С. 109–118.

Braunstein J.-F. Die Geschichte des Regionsbegriffs in der Epistemologie // *Situiertes Wissen und regionale Epistemologie: Zur Aktualität Georges Canguilhem's und Donna J. Haraway's*, Cultural Inquiry, 7 / hg. v. Astrid Deuber-Mankowsky und Christoph F. E. Holzhey, Wien: Turia + Kant, 2013. S. 35–49.

Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Bd. 25: Phänomenologische Interpretation von Kants "Kritik der reinen Vernunft". 3. Aufl. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1995.

Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. IV. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952.

Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. V. Ideen zu einer Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Drittes Buch: Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952. S. 105.

Lembeck K.-H. Einleitung: Husserl Wissenschaftstheoretisches Programm. Text nach Husserliana, Band V // Husserl E. Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften / Hrsg. K.-H. Lembeck. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1986. S. VII–XXXV.